

Сеньку мать разбудила ни свет ни заря.

— Сеня-а.. Семен! Поднимайся! Африкан нарядом был, в городок тебе седни, за катрасином...

Сенька быстренько вскочил, натянул латаные-перелатанные короткие брючата, выгоревшую до непонятного цвета рубашонку, схватил обрать и побежал к загону по росной холмистой траве.

— Молочка-то, Сеня, — крикнула вдогонку мать.

— Потом, мам! — откликнулся парнишка, перелезая через изгородь. Босые ноги немного мерзли, но Сенька радовался: за керосином в район — это не на сенокос, где скелеты, труха во рту и носу и седитые усталые бабы. Увидев лежащую возле куста лошадь, он начал осторожно к ней подбираться.

— Да это же Шермак! — узнал сразу пошел, не скрываясь, а мерин, услышав имя, встал навстречу Сеньке и наклонил голову. Парнишка надел на него узду, ласково приговаривая: — Шермак, хороший Шермак, умный, — и повел коняку за собою.

Шермак Сенька любил за добродушный, непривередливый нрав. Разворнув заворы, парнишка вывел Шермака из загона, а загородив вход, влез на изгородь и с нее перекрабкался на спину любимцу и порысил к дому кладовщицы Конюшихиной Полагии.

— Здоров, Семен! Потапович, — усмешкой встретила его тетка, — сам запряжешь или помошь нужна?

— Сам, — буркнул Сенька, — давай сбрую.

Полагия, выложив хомут, дугу, шлею, вожжи и сиделку, глядела, как старается парнишка. Потом взялась помогать. Затянув супонь, она проверила, чтоб нигде ничем не терло, и сказала:

— Ну, езжай, да накладную не забудь.

— Ладно, — откликнулся Сенька из телеги.

Подъехав к своей избе, парнишка быстро заскочил в нее, выпил кружку молока, схватил урезок хлеба с несколькими картошками, пучок луковой травы, накладные, оставленные Африканом, и вышел в сенинник, пошарил в пазу между двух нижних бревен, вытащил оттуда небольшой мешочек с самосадом, который снянул третью его дня у забывчивого деда Матвея и, выкатясь колбком во двор, влез на телегу.

— Ну-но! Поехали, родимый!

— Шермак пошагал уверенной, тяжеловатой, неспешной ступью.

День напльвал жаркий, безветренный — было рано, а солнце парило.

До городка верст двадцать с гаком. Чем заниматься в дороге? Хочешь — пой или спи, Шермак с пути не сойдет. Однако Сенька не поет, не спит, а думает. Все про отца. Думается после вчерашней стычки с Витькой Кизинным. Витька теперь загордился, своих знать не хочет. С год будет, как батя у него с войны пришел. Хоть и на одной ноге, а все же. А вчера зашел разговор про Сенькиного батю, и Витька сказал:

— Два года войны: нету, где

● Рассказ ●

Михаил ЖАРАВИН

ДВЕ ЗАТЯЖКИ

Несмотря на то прохладное, а иногда и вовсе безжизненное состояние секретариата СП, областные писательские организации отнюдь не поддаются демократическому погрому.. Писатели российской периферии мужественно преодолели организационный развод. И хотя все они испытывают длительное безденежье, пересыпают, как говорится, из кулька в рогожку, но сохранили-таки областные и краевые отделения писательского Союза. Они, эти отделения, выпускают неплохие региональные журналы и даже пополняются за счет молодежи.

Литературная жизнь Вологды — живое доказательство этому. Благодаря финансовой помощи администрации восстановлена нынче прерванная было традиция: издавать первые книги начинающих авторов и проводить областные писательские семинары.

На прошедшем недавно семинаре наиболее обильным (как и раньше когда-то) оказался «улов» поэтический. Но и в прозе выявилось несколько новых обнадеживающих имен. Жаль, что не оказалось среди молодых ни драматургов, ни критиков. Автор нескольких повестей и рассказов Михаил Жаравин — выходец из сельской глубинки. Работает он наладчиком на подшипниковом заводе, превосходно знает нынешний рабочий, солдатский и крестьянский быт. А самое главное, язык у него не заемный. Не из книг и газет, а прямиком из жизни. По-видимому, многострадальная наша деревня подпитывает не только русскую промышленность, но и русскую литературу.

Василий БЕЛОВ.

твой папашка? На хрен вы ему сдались, нашел, наверное, санитарочку немку.. молодую!

Сенька и не выдержал. Не растащили бы старшие парни, точно накосятили бы Витьке, хоть тот и проворнее.

Полгода скоро, как нет от отца писем, а в последнем тятька написал: «Ждите теперь домой. Скоро буду».

Сенька ждал. Тайком от матери по утрам и вечерам бегал на бугор, смотрел из-под руки на выбегающую из леса дорогу. А отца все нет и нет. И писем нет.

Еще обидно Сеньке, что отца он не помнит совсем. Да и как запомнить-то, если Сеньке всего два года было, когда отец уехал служить, а потом — война. Но отца Сенька представляет по рассказам матери. Увидел бы, сразу узнал. Отец высокий, широкоплечий и обязательно с большими усами, как у Буденного.

— Мама, а я на папу похож? — спрашивал Сенька.

— Похож, сынок, глазки, бровки да и остав у тебя — отцовские, — улыбалась невесело мама.

И Сенька внимательно разглядывал в зеркале старом свой обнуренный красный нос, конопушки, глаза и не верил, что у отца такие же невидимые на лице брови.

Так, в раздумьях, Сенька миновал добрые две трети пути. Три небольшие пустые деревушки — народ на покосе — он оставил позади. Теперь вряд ли кто попадется и помешает. Сенька выволок из кармана кисет. Наступив пяткой на вожжи и достав обрывок пожелтевшей, еще, наверное, довоенной газеты, он принял скручивать цигарку. У него получилось что-то похожее на бычью кривую ногу. Он ее старательно обслюнивал, раскурив, Закашлялся.

— Разорва какая! — сказал он сам себе, подражая деду Матвею.

Курил осторожно, маленькими затяжками, держал дым

во рту и выпускал, сплевывая обильную горькую слюну.

От горечи заслезились глаза, запершило язык. Неожиданно перед телогрейкой вырос военный. Сенька оторопел. Лицо солдата лоснилось от пота грязного, клочьями торчала длинная ржавая щетина, но еще более неприглядно темнел от левого глаза до подбородка красногорий широкий рубец. Не солдат — разбойник. Никого страшнее Сенька никогда не видел. Интуитивно спрятал он руку с цигаркой за спину.

— Пацан, дай курнуть.

— Нету, — жалобным, с перепугом, с своим голосом прошептала Сенька, готовый заблажить во всю глотку.

Военный дернулся, будто споткнулся, сморщился и лицо его стало еще страшнее.

— Сынок, дай хоть на две затяжки.. Гляди, штаны спалиши.

Сенька протянул трясущейся рукой остаток измусоленной самокрутки. Солдат ловко подхватил ее, кинул в рот, в свободной руке быстро развязал походный тощий мешок, выложил к Сенькиным ногам какую-то железку и опустился от телеги.. Сенька только это-го и ждал.

— Ну-но! Пшел! — Шермак, будто почувствовал страх парнишки, снялся с места ходкой рысью.

О памятаовался Сенька упомяна — по тому берегу Юга раскинулся городок. И только сейчас он обратил внимание на круглую железку возле ног. «Это же банка с консервой!» — догадался он. Догадался потому, что точно в такой же Витька Кизин ноги сидел на рыбалку червяков.

Витька говорил — в банке консерва была, ненашенская, сладкая, мясо прямо само на языке тает. Батя Витька Кизин привез. Сенька обрадовался. Он уже и представил, как дома открывает эту банку, как угощает маму и деда. Солдат теперь не казался страшным, и Сенька жалел, что не поговорил с ним. Надо ведь было про тятку спросить, а вдруг видались?

Керосином он затарился скоро. Учетчица Дуська Фомина, заметно пополневшая с прошлого раза, но одетая все в ту же серую мятую юбку и кирзачи, протянула тетрадку и огрызок химического карандаша:

— Пиши.

Старателю Сенька вывел свою фамилию: Мекешин.

Дуська штампнула накладные, одну подала ему, другую оставила себе и махнула рукой.

— Поезжай с миром, женишок!

У парома на ум Сеньке пришла нехорошая мысль: «А что я скажу маме, если она спросит, где взял консерв? Выменял у солдата за две затяжки ворованным самосадом? А где еще?» — И он чуть не бросил от обиды банку в реку, но привитая войной не детская практичность не позволила совершить глупость. Сожрать втихаря один банку мяса Сенька тоже немог. Он все больше и больше распляял себя. Думал не о том, что скажет мать, а о солдате.

«Военный попросил курнуть, а вместо того, чтобы отдать ему весь табак, откупился чинариком на две затяжки да взамен еще и банку мяса взял!» — Сенька уже забыл, что в момент появления солдата испугался до беспамятства, а банку тот подложил сам.

До родной деревни осталось совсем немного, когда Сенька впереди увидел взмокшую, в разводах белесой соли гимнастерку.

— Дяденька!

Военный остановился.

— А, это ты, мальши..

— Садитесь, дяденька, подвезу...

— Спасибо, — и военный уселся рядом с Сенькой.

— Курить будете, дяденька, я разжился.

— Давай.

Сенька без сожаления вытихнул на грубую широкую ладонь солдата содержимое кисета, подал смятый клошок газеты. Солдат долго нюхал клошок, рассматривал его, щурясь. Лицо его при этом принимало жуткое выражение, но Сенька николечко не трусил.

— Миром пахнет. Довоенным... Не верится даже, — шепнул, наверное, себе, солдат и вздохнул, аккуратно и ловко свернул дымилку. Раскурив, несколько раз глубоко затянулся.

— Как Христос в лапотках протопал.. Знатная крупка...

Сеньке страсть как хотелось заговорить с солдатом о фронте, об отце, но банка жгла ему живот. И он соображал, как вернуть ее. Что вернуть надо — понимал, но придумать — как, чтобы не обидеть солдата и самому не краснеть, — не представлял.

А впереди, на угле, под раскидистыми тополями и липами, показалась деревня.

— Тормози-ка, — попросил солдат, — я тут, пожалуй, спешу.

Сенька, готовый от злости на себя зареветь в голос, вытащил из-за пазухи банку и протянул ее солдату.

— Возьми, дяденька..

Солдат, видно, понял, что творится с парнишкой, и взял банку.

Сенька спешил сильнее, чем на пожар. Ему не терпелось попасть домой. «Вот расскажу маме, что видел солдата, который только с войны идет, она обрадуется и не будет по ночам молиться да реветь». Он сдал Полигии бочку с накладной, сбрую и отвел Шермака в загон. Побежал огором дом к дому. Открыл дверь в избу, закричал с порога:

— Мама! Мама.. — и увидел сидящих за столом деда Матвея и солдата. Рядом, спрятав руки под передник, стояла мать. Догадка озарила Сенька:

— Тятя! Тятя! — и кинулся парнишка головой в грудь солдату, прижался лицом к загрубелой, провонявшей потом и табаком гимнастерке.

— Обознался ты, сынок! — всплеснула руками мать. — Это же Гордей Пашков с Каксуру, дружок отца-то...

— Не горюй, малыш, — виновато проговорил Гордей, — скоро твой батька придет. В Вологде я его оставил, в лазарете. Дорогой к дому схватали. От самого Воронежа мы вместе — оттуда и туда — снова оттуда.. По госпиталям и то дружно валялись, так походило.. — и, криво улыбаясь, солдат вытянул из мешка ту самую банку и поставил ее на стол. — Вот он и гостинца передал!

Сенька будто чокнулся от радости. Он запрыгал по избе, забегал в присядку, а потом закричал:

— Мама! Мама! Можно я к Витьке сбегаю, скажу, что пакет скоро, пусть не задается.

— Беги, Сенюшка, — отпустила счастливая мать.